

801-16
1896

Ж. Веселовскій.

МНИМЫЯ
КАМЕННЫЯ БАБЫ.

Съ 11 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Солякина, Стремянная, 12.
1905.

Напечатано по распоряженію Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института.

Директоръ Н. Покровский.

Отдѣльный оттискъ изъ Вѣстника Археологіи и Исторіи, в. XVII.

2011119571

Мнимыя „каменные бабы“.

Еще не такъ давно о „каменныхъ бабахъ“ можно было разсуждать, какъ угодно и сколько угодно, и обширная литература по этому предмету сохраняетъ поразительное количество различныхъ предположеній о происхожденіи „каменныхъ бабъ“, предположеній не только всевозможныхъ, но очень часто совершенно невозможныхъ, вродѣ того, напримѣръ, что въ этихъ изваяніяхъ есть нѣчто буддійское, или что они однородны съ греческими нимфами и тождественны съ швейцарскими *riges aux dames* и т. п. сопоставленія. Казалось, не было предѣловъ человѣческой изобрѣтательности, когда дѣло шло о толкованіи и о происхожденіи „каменныхъ бабъ“. И это тѣмъ болѣе удивительно, что названныя статуи имѣютъ вполне опредѣленные признаки, благодаря которымъ онѣ безошибочно могутъ быть сведены въ особую самостоятельную группу.

Теперь обстоятельства измѣнились. Послѣ неожиданнаго открытія тюркскихъ памятниковъ въ Монголіи на берегу рѣки Орхона, среди которыхъ оказались и типичныя изваянія, называемыя „каменными бабами“, съ надписью *балбалъ*, уже нельзя сомнѣваться, что подобныя статуи принадлежатъ только народамъ тюркскаго племени и никому иному. Но странное дѣло: хотя прошло уже 15 лѣтъ, какъ вопросъ разрѣшенъ, повидимому, положительнымъ образомъ, это научное приобрѣтеніе, которое, казалось бы, разомъ разрѣшило все наши сомнѣнія о происхожденіи „каменныхъ бабъ“, распространяется съ большими препятствіями и нерѣдко встрѣчается съ нѣкоторымъ недоверіемъ, какъ будто ничего за это время не случилось, какъ будто все осталось по старому, и по старому можно предаваться всякимъ измышленіямъ по поводу „каменныхъ бабъ“. Отчего же происходитъ такое странное явленіе? Отвѣтить на этотъ вопросъ нетрудно: причина заклю-

чаются въ нашихъ старыхъ грѣхахъ, скопившихся въ большомъ количествѣ въ литературѣ о „каменныхъ бабахъ“.

Именно, въ вопросъ о „каменныхъ бабахъ“ привнесено много посторонняго элемента, который затемняетъ существо дѣла и потому является вреднымъ. Однако, этотъ посторонній элементъ такъ прочно вѣдрился въ литературу о „каменныхъ бабахъ“, что его никто еще не рѣшался выдѣлать оттуда, а между тѣмъ примѣнить такую мѣру необходимо, и только тогда мы подойдемъ къ правильному рѣшенію вопроса о „каменныхъ бабахъ“.

Я коснусь здѣсь наиболѣе крупныхъ недоразумѣній, съ которыми приходится имѣть дѣло изслѣдователю по данному вопросу, и о каждомъ такомъ недоразумѣніи буду говорить отдѣльно.

Золотая баба.

(Zlata baba).

Въ Софійской первой лѣтописи подъ 1398 годомъ по поводу кончины Стефана Пермскаго сказано: „се бо блаженный епископъ Степанъ, Божій человекъ, живяше посредѣ невѣрныхъ человекъ, ни Бога знающихъ, ни закона вѣдающихъ, молящеса идоломъ, огню и вѣдѣи камению, и Золотой бабѣ и кудесникомъ, и вѣлхвомъ и древью“¹⁾.

Графъ А. С. Уваровъ нашелъ возможнымъ зачислить этого идола въ разрядъ каменныхъ бабъ²⁾, а за его авторитетомъ безотчетно послѣдовали и нѣкоторые позднѣйшіе изслѣдователи о каменныхъ бабахъ. Разсмотримъ на сколько это мнѣніе справедливо.

Золотая баба приобрѣла въ литературѣ очень большую известность: многіе европейскіе путешественники, посѣщавшіе Россію въ XVI столѣтіи, или писавшіе о ней, считали какъ-бы обязанностью упомянуть о Золотой бабѣ въ болѣе или менѣе сходныхъ выраженіяхъ³⁾.

Начало положилъ польскій лѣтописецъ *Матей Мѣховскій* (1456—1523). Сочиненіе его *Tractatus de duabus Sarmatiis, Asi-*

¹⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 250.

²⁾ Труды перваго Археологическаго съѣзда, М. 1871, стр. 512.

³⁾ Замѣчательно, что въ XVII ст. извѣстія о Золотой бабѣ совершенно прекратились, даже Книга Большаго Чертежа ничего не говоритъ объ этомъ идолѣ.

ana et Europiana появилось въ 1517 (первый томъ) и въ 1518 (второй); третій томъ, подъ названіемъ *Descriptio Sarmatarum Asiaticae et Europicae, et eorum quae in eis continentur*, — въ 1521 году. Изданіи этого сочиненія было особенно много въ XVI столѣтіи, между прочимъ, нѣмецкое вышло въ 1518 году¹⁾. Въ Россіи оны не были, а собиралъ свѣдѣнія отъ случайныхъ русскихъ.

Въ главѣ *De Moscovia* Мѣховскій пишетъ „..... post terram Viathca nuncupatam in Scythiam penetrando, jacet magnum idolum Zlotababa, quod interpretatum sonat, aurea anus seu vetula, quod gentes vicinae colunt et venerantur, nec aliquis in proximo gradiens aut feras agitando et in vatione sectando vacuus et sine oblatione pertransit: quinimo si munus nobile deest, pellem aut saltem de veste extractum pilum in offeritorium idolo projicit, et inclinando se cum reverentia pertransit“.

„За землю, называемую Вяткою, при проникновеніи въ Скинію находится большой идолъ Золотая баба, что въ переводѣ значить золотая женщина или старуха, которую окрестные народы чтутъ и поклоняются ей; никто, проходящій поблизости, чтобы гонять звѣрей или преслѣдовать ихъ на охотѣ, не минуетъ его съ пустыми руками и безъ приношеній: даже если у него нѣтъ цѣннаго дара, то онъ бросаетъ въ жертву идолу хотя бы шкурку или вырванную изъ одежды шерстинку и, благоговѣбно склонившись, проходить мимо“.

За Мѣховскимъ слѣдуетъ *Сигизмундъ Герберштейнъ* (1486—1566), дважды бывшій въ Россіи (въ 1517 и 1526 годахъ) и пользовавшійся для своихъ Записокъ о Московіи какимъ-то русскимъ дорожникомъ, онъ записалъ: *Zlata baba, id est Aurea anus, idolum est, ad Obi ostia, in provincia Obdora, in ulteriori ripa situm.... Narrant, seu, ut verius dicam, fabulantur, hoc idolum Auream anum statuam esse, in formam cuiusdam anus, quae filium in gremio teneat: atque ibi iam denuo alterum cerni infantem, quem eius nepotem esse aiunt. Praeterea instrumenta quaedam ibi posuisse, quae perpetuum sonum in modum tubarum edant. Quod si ita est, equidem ventorum vehementi et perpetuo in ea instrumenta flatu fieri puto*²⁾.

„Золотая баба, т. е. золотая старуха, есть идолъ на устьѣ Оби, въ Обдорской провинціи, на томъ берегу рѣки.... Разказы-

¹⁾ *Poloniae historiae corpus*, Basileae, 1582. Tomus I. *Matthiae à Michovia, De Sarmatia Asiana et Europaea*, p. 149.

²⁾ *Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein*. Basileae, 1556, p. 82 — 83. Русскій переводъ „Записокъ о Московіи“ — *И. Анонимова*, СПб. 1866.

вають или, вѣрнѣе скажу, передають басню, что идолъ Золотая баба есть статуя въ видѣ старухи, которая держитъ въ нѣдрахъ сына и тамъ уже снова виденъ другой ребенокъ, про котораго говорятъ, что это ея внукъ. Кромѣ того заявляютъ, что тамъ помѣщены какіе-то инструменты, издающіе непрерывный звукъ на подобіе трубнаго. Если это такъ, то я полагаю, что это по всей вѣроятности происходитъ отъ вѣтровъ сильно и постоянно дующихъ въ эти инструменты“¹⁾).

Къ латинскому тексту Записокъ о Московіи Герберштейна (1556 г.) приложены двѣ карты Московіи и на обѣихъ находятся

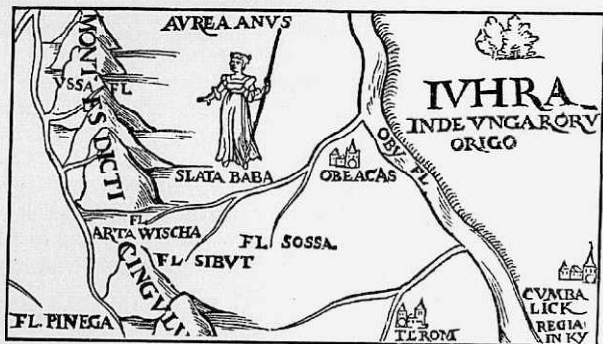

Рис. 1.

изображенія Золотой бабы, помѣщаемой на лѣвомъ берегу р. Оби (рис. 1 и 2).

На картѣ Дженкинсона подпись: Zlata baba, id est aurea vetula ab Obdorianis et Jougorianis religiose colitur. Idolum hoc sacerdos consultit, quid ipsis faciendum, quove sit migrandum, ipsumque (dictu mirum) certa consulentibus dat responsa, certique euentus consequuntur²⁾.

¹⁾ Разсказъ Герберштейна повторилъ Климента Адальса. The Principal Navigations. By R. Hakluyt. Glasgow, 1903, p. 269.

²⁾ Early voyages and travels to Russia and Persia by Antony Jenkinson. Edited by E. Delmar Morgan and C. H. Coote. London, 1886, vol. I. Объ этой картѣ и Золотой бабѣ см. Introduction, p. СХІХ — СХХХ и 105. Самъ Дженкинсонъ о Золотой бабѣ ничего не говоритъ. Снимокъ съ карты Дженкинсона приложенъ къ труду Антонія Поссевина (Antonii Possevini societatis iesu Moscovia. Eiusdem novissima descriptio. Antverpiae, 1587), только опущены слова: certique euentus consequuntur.

„Золотая баба, т. е. золотая старуха, религіозно почитается обдорцами и югорцами. У этого идола жрецъ спрашиваетъ совѣта, что имъ слѣдуетъ дѣлать или куда перекочевывать, и идолъ (удивительно сказать) даетъ спрашивающимъ опредѣленные отвѣты и получаютъ опредѣленные слѣдствія“¹⁾. Это изображеніе Золотой бабы представлено здѣсь на рисункѣ 3-мъ, гдѣ она помѣщена на правомъ берегу рѣки Оби.

Гвагини говоритъ объ этомъ идолѣ подробнѣе: In hac Obdoriae regione, ad ostia Obdi fluvii, est quoddam antiquissimum idolum de lapide excisum, quod Moschovitis Zolota Baba, id est aurea anus dicitur. Est autem similitudo mulieris vetulae, infantem in gremio tenentis, et alterum iuxta se infantem habentis, quem nepotem illius esse incolae dicunt

Рис. 2.

Hoc idolum ab Obdorianis Juhrisicis et Vohulicis, aliisque conterminis gentibus cultu patriae veneratur, praestantissimasque et maximi precii pelles Zebellinas idolo offerunt, una cum reliquarum ferarum preciosis pellibus: cervos quoque selectiores ad sacrificium peragendum mactant, quorum sanguine os, oculos, et reliqua simulacri membra perungunt. Intestina autem cruda sacrificii devorant, et inter sacrificandum sacerdos idolum consultit, quid ipsis faciendum, quove migrandum sit. Ipsum autem (dictu mirum) certa consulentibus responsa dare, certosque rerum eventus praedicere solet. Dicuntur etiam in montibus vicinis huic idolo, sonitus boatusque quidam audiri, qui perpetuo sonitum in modum clangoris tubarum edunt. Hoc autem nihil aliud esse dicerem, nisi instrumenta quaedam illic antiquitus posita, vel canales subterraneos, sio natura ipsa effectos, qui ventorum perpetuo flatu sonum, boatumque et clangorem continuo efficiunt²⁾.

¹⁾ Т. е. совѣты оракула исполняются на дѣлѣ.

²⁾ Guagnini. Res polonicae. Francofurti, 1584. Т. II, p. 205

„Въ области Обдорія, при устьѣ р. Оби, находится очень древній идолъ, высѣченный изъ камня и называемый москowitzами *Золотая баба*, т.-е. золотая старуха. Онъ представляетъ собою изображеніе старухи, держашей на лонѣ ребенка и имѣющей возлѣ себя другого, котораго жители называютъ ея внукомъ. Этотъ идолъ обдорскими юграми, вогулами и другими народами почитается какъ божество; они жертвуютъ идолу самые лучшіе и дорогие собольи мѣха, а также и цѣнныя шкуры другихъ звѣрей; кромѣ того они закаляютъ въ жертву при служеніи ему отборныхъ оленей и кровью ихъ мажутъ ротъ, глаза и прочіе члены

Рис. 3.

идола. Сырья внутренности жертвы они ѣдятъ сами, и во время жертвоприношенія жрецъ спрашиваетъ у идола совѣта, что имъ дѣлать или куда перекочевать. Самъ же идолъ (удивительно сказать) обыкновенно даетъ опредѣленные отвѣты просящимъ совѣта и предсказываетъ опредѣленный исходъ положенія вещей. Сказываютъ также, что въ горахъ сосѣднихъ съ этимъ идоломъ слышатся звуки и вой, которые постоянно производятъ звуки на подобіе трубныхъ. Я сказалъ бы, что это ничто иное, какъ какіе-либо инструменты, положенные здѣсь издревле, или подземные каналы, такъ устроенные самой природой, что они, при непрерывномъ дуновеніи вѣтровъ, постоянно производятъ звонъ, вой и шумъ“.

Джилльсъ Флетчеръ, бывшій въ Россіи въ 1588 г. и обнародовавшій въ 1591 г. свое сочиненіе „Of the Russe Common

Wealth“, въ главѣ „о пермякахъ, самоѣдахъ и лопаряхъ“ сообщилъ, что онъ говорилъ съ нѣкоторыми изъ самоѣдовъ и узналъ, что они признаютъ единого Бога, олицетворяя его, однако, предметами, особенно для нихъ нужными или полезными. Такъ, они поклоняются солищу, оленю, лосю, и проч. Далѣе Флетчеръ замѣтилъ: „Но что касается до разсказа о Золотой или ягъ-бабѣ (о которой случалось мнѣ читать въ нѣкоторыхъ описаніяхъ этой страны, что она есть кумиръ въ видѣ старухи), дающей на вопросы жреца прорицательные отвѣты объ успѣхѣхъ предиріятій и о будущемъ, то я убѣдился, что это простая басня. Только въ области Обдорской со стороны моря, близъ устья большой рѣки Оби, есть скала, которая отъ природы (впрочемъ, отчасти съ помощью воображенія) имѣетъ видъ женщины въ лохмотьяхъ съ ребенкомъ на рукахъ (такъ точно, какъ скала близъ Нордъ-Капа представляетъ собою монаха). На этомъ мѣстѣ, обыкновенно, собираются Обдорскіе самоѣды по причинѣ его удобства для рыбной ловли, и дѣйствительно иногда (по своему обычаю) колдуютъ и гадаютъ о хорошемъ или дурномъ успѣхѣхъ своихъ путешествій, рыбной ловли, охоты, и тому подобное“¹⁾.

Хотя Флетчеръ, повидимому, и старался провѣрить слухъ о Золотой бабѣ при посредствѣ самоѣдовъ и пришелъ къ заключенію, что Золотой бабѣ въ дѣйствительности не существовало, но съ этимъ едва-ли можно согласиться, и другіе источники въ данномъ случаѣ достовѣрнѣе. Трудно допустить, чтобы самоѣды рѣшились раскрыть передъ Флетчеромъ всю правду о своихъ вѣрованіяхъ. Точно также представляется неудовлетворительнымъ объясненіе легенды о Золотой бабѣ существованіемъ скалы, напоминающей, при нѣкоторомъ воображеніи, женщину въ лохмотьяхъ съ ребенкомъ на рукахъ (какъ на картѣ Дженкинсона?). Странно думать, чтобы скалу могли называть *Золотой бабой*, а не *Каменною*.

Позднѣйшіе писатели очень мало помогаютъ дѣлу. *Добровский*, признавая идола славянскимъ, высказалъ предположеніе, что онъ былъ позолоченъ²⁾. *Ганушъ* возражалъ противъ позо-

¹⁾ „Описание рѣдкихъ Россійскихъ книгъ“, составилъ *Александръ Бурцевъ*, ч. III, Спб. 1897. („О государствѣ русскомъ, или образъ правленія русскаго царя“, стр. 274—275). См. также *С. М. Середонина* „Сочиненіе Джильса Флетчера“ (въ Записк. историко-филологическаго факультета И. Спб. университета, ч. 27, Спб. 1891, стр. 136—137).

²⁾ Slavin, Prag. 1808, p. 413.

лоты и съ ссылкой на Egman's Archiv (VII, 177; X, 376; XIV, 517; XIX, 63 и др.) утверждалъ, что такіа статуи, называемыя каменными бабами, существуютъ въ сѣверныхъ странахъ ¹⁾. *Нарушевичъ* цѣликомъ присоединился къ этому мнѣнію.

Н. И. Костомаровъ высказался объ этомъ идолѣ такъ: „мы знаемъ, что у финскихъ народовъ было божество Золотая баба съ младенцемъ на рукахъ (ссылка на Гваниньи). Названіе это безсомнѣнія не финское и божество заимствовано отъ Славянъ“ ²⁾. Далѣе Костомаровъ сближаетъ Золотую бабу съ славянской богиней Сива или Жива на основаніи показанія Длугоса о горѣ, называемой бабою, съ находящемся на ней градѣ Живецъ ³⁾. Все это представляется болѣе чѣмъ произвольнымъ сближеніемъ.

Послѣднее слово о Золотой бабѣ принадлежитъ *К. Д. Носилову* ⁴⁾. По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ у вогуловъ на рѣкѣ Кондѣ, золотая баба была перенесена куда-то на Обь и гдѣ теперь находится, неизвѣстно; но вогулы нѣкогда сдѣлали съ нея копию изъ серебра, и эта „серебряная баба“ будто-бы хранится и по настоящее время въ верховьяхъ р. Конды, въ Ямвель-паулѣ. Самъ г. Носиловъ этой статуетки не видалъ, сообщилъ же о ней со словъ одного вогула, неоднократно ее видѣвшаго: серебряная баба имѣетъ видъ голой сидящей женщины, величиною съ четверть и очень тяжелая, такъ какъ она литая въ формѣ, снятой съ Золотой бабы. Хранится она въ старинномъ ящикѣ, въ которомъ сидитъ на собольей шкуркѣ.

Что же, спрашивается, есть въ этомъ обдорскомъ идолѣ общаго съ каменными бабами? Рѣшительно ничего. Уже одно то обстоятельство, что старуха имѣла при себѣ двухъ младенцевъ, должно бы, кажется, удержать нашихъ изслѣдователей отъ сопоставленія ея съ нашими каменными бабами, а между тѣмъ эта подробность, никогда не встрѣчающаяся у послѣднихъ, не помѣшала археологамъ сдѣлать столь крупную ошибку. Если мы обратимся къ рисункамъ, изображающимъ Золотую бабу, то увидимъ, что при всей фантастичности этихъ изображеній, они не содержатъ ни одной черты, присущей каменнымъ бабамъ. На одномъ рисункѣ

¹⁾ Pojednání král. čes. společnosti nauk, v Praze V, 13, p. 31—32.

²⁾ Славянская мифология. Соч. *Николая Костомарова*. Кіевъ, 1847, стр. 30.

³⁾ У *Длугоса*, кн. I, стр. 34: Baba, mons altissimus supra fluvium Sota, herbas multiferas germinans, et oppido Zyvvieci imminens.

⁴⁾ *К. Д. Носиловъ*. У вогуловъ. Очерки и наброски. Спб. 1904, стр. 109—119.

у Герберштейна видимъ статую въ платьѣ западно-европейскомъ съ посохомъ въ лѣвой рукѣ, на другомъ статуя представлена въ одеждѣ русской боярыни, съ жезломъ въ правой рукѣ. На картѣ Дженкинсона Золотая баба имѣетъ совсѣмъ другой видъ: она изображена тамъ приемами католической иконографіи и также не даетъ ни малѣйшаго намека на какую-нибудь подробность характерную для каменныхъ бабъ ¹⁾.

Упомянутое о дѣтяхъ у Золотой бабы скорѣе всего должно напоминать тѣ металлическія статуетки, принимаемыя нами, какъ символъ плодородія, которыя были находимы въ предѣлахъ европейской Россіи и извѣстны уже въ нѣсколькихъ типахъ. Сошлюсь на одну, описанную мною въ Запискахъ И. Р. Археологическаго общества (новая серія, т. V, Спб. 1892, стр. 407—408) и рисунокъ которой здѣсь воспроизводится подъ № 4-мъ. Въ лѣвой рукѣ женская фигурка держитъ голову ребенка, а въ то же время у нея рождается другой ребенокъ ²⁾.

Въ чемъ же заключался соблазнъ отнести Золотую бабу къ числу каменныхъ? Очевидно, что всему виною было выраженіе „баба“, къ тому же по объясненію нѣкоторыхъ писателей баба по составу каменная и неизвѣстно почему прозванная „золотою“. Приходится заявить, что остяцкій идолъ попалъ въ категорію каменныхъ бабъ просто по недоразумѣнію, которое держится и по настоящее время ³⁾. Понятно какой вредъ долженъ происходить отъ подобнаго смѣшенія разнородныхъ предметовъ: если у остяковъ были каменные бабы, то приписывать ихъ тюркамъ или

Рис. 4.

¹⁾ Почему „баба“ называлась золотой, хотя по увѣренію нѣкоторыхъ писателей была каменная, это едва ли когда разъяснится. Думать, что на ней было какое-либо золотое украшеніе или шарчевое одѣяніе, это значить дѣлать предположеніе безъ достаточно убѣдительныхъ доказательствъ.

²⁾ Найдена статуетка въ имѣніи Елань, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи. Мотивъ этого имѣетъ варианты.

³⁾ См. Извѣстія Тамбовской ученой архивной Комиссіи, вып. 50-й, 1904.

исключительно тюркамъ нельзя. Но можетъ ли быть толкъ въ заключеніи, основанномъ на ложныхъ предположеніяхъ?

Кладъ Петроссы.

(Петросская статуетка.)

Въ 1837 г. въ Румыніи, близъ селенія Петроссы найдены были знаменитыя кладъ золотыхъ вещей, приписываемыхъ Атанарику¹⁾. Этотъ кладъ съ своей стороны способствовалъ усложненію вопроса о каменныхъ бабахъ, такъ какъ благодаря ему въ литературѣ утвердилось еще новое недоразумѣніе, которое и до сихъ поръ еще не устранено.

Въ числѣ драгоценныхъ предметовъ этого клада находится золотое блюдо, имѣющее 14 вершковъ въ поперечникѣ (рис. 5). Объ этомъ блюдѣ въ „Русскихъ Древностяхъ“, изд. графомъ *И. И. Толстымъ* и *Н. П. Кондаковымъ*, читаемъ слѣдующее: „Круглая патера, составленная изъ двухъ листовъ, спаянныхъ между собою, украшена внутри рядомъ фигуръ чеканной и рѣзной работы въ позднѣйшемъ греко-римскомъ стилѣ. Фигуры изображаютъ божествъ греко-римской мифологіи со многими, однако, особенностями. Въ среднѣй патерѣ сидящая женская фигура съ сосудомъ воспроизводитъ обычный типъ такъ называемой каменной бабы и исполнена въ видѣ особой статуетки²⁾“. См. рис. 6.

Первый, пустившій въ оборотъ мысль, что петросская статуетка имѣетъ точную аналогію съ нашими каменными бабами, былъ нашъ соотечественникъ *Г. Д. Филимоновъ*, которому представился случай ознакомиться съ знаменитымъ кладомъ на всемирной выставкѣ въ Парижѣ въ 1867 году. Онъ старался убѣдить въ этомъ тождествѣ одного изъ мѣстныхъ организаторовъ выставки, хранителя музеевъ Лувра, *Де-Лонгперье*, при чемъ возразилъ надежду, что петросское блюдо хотя сколько нибудь опредѣ-

¹⁾ См. статью *Ф. Бока*. „Der Schatz des Westgothenkönigs Athanarich“ въ Mittheilungen der k. k. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale, Wien, 1868.

²⁾ Русскія древности, выпускъ III, Спб. 1890, стр. 145.

Рис. 5.

Рис. 6.

лить происхожденіе и значеніе символа нашихъ памятниковъ. „Эти доселѣ изолированныя статуи первыхъ вѣковъ христіанства—авторитетно поучаль Филимоновъ французскихъ ученыхъ—несомнѣнно разъясняютъ собою древнѣйшую исторію нашей почвы и, смѣю надѣяться, укажутъ и на сближеніе нашихъ предковъ съ вашими посредствомъ вашихъ меровингскихъ украшеній, найденныхъ вмѣстѣ съ этимъ сокровищемъ“¹⁾. Затѣмъ, по просьбѣ *Де-Лонгперье* Филимоновъ изложилъ свои соображенія письменно въ замѣткѣ на французскомъ языкѣ, которая впоследствии появи-

лась въ печати въ Парижѣ и, надо сознаться, принесла неизбежный вредъ.

Кажется, трудно найти сколько-нибудь прилично оправданіе соображеніямъ покойнаго Филимонова кромѣ того, что вопросъ о каменныхъ бабахъ въ то время являлся настолько запутаннымъ, что по поводу ихъ можно было высказывать всякія измышленія безъ риска встрѣтить серьезное возраженіе.

Дѣйствительно, неудачное сближеніе петросской статуетки съ каменными бабами не было разобрано научной критикой, не нашло надлежащей оцѣнки, а потому стало распространяться, какъ въ иностранной литературѣ, такъ и въ нашей. Если кто изъ иностранныхъ ученыхъ касался петросскаго клада, онъ считалъ

¹⁾ Вѣстникъ общества древне-русскаго искусства при московскомъ публичномъ музеѣ, издаваемый подъ редакціей *Г. Д. Филимонова*. 1874—1876. М. 1876. Приложенія къ протоколамъ, стр. 67.

своею обязанностью упомянуть и о каменных бабахъ, какъ на примѣръ, Делинасъ ¹⁾ и Одобеско ²⁾.

Въ необыкновенно роскошномъ, но безъ всякой надобности загроможденномъ посторонними подробностями описаніи этого клада, г. А. Одобеско разъясняетъ намъ, что сидящая женщина одѣта въ длинную тунику, перехваченную въ талии, волосы у нея раздѣлены проборомъ, идущимъ отъ лба къ затылку, завиты волнистымъ вѣнкомъ и закручены пиньономъ. Она держитъ въ рукахъ коническій кубокъ *калатосъ*, который устала противъ груди. Сидѣніе округленное и безъ спинки, снабженное скамеечкой *солмумъ*, украшено виноградной лозой, помѣщенной между двумя витыми шнурами ³⁾. Далѣе, въ заключительномъ словѣ объ этой фигурѣ, многорѣчивый г. Одобеско не сказать ничего путнаго, онъ подтвердилъ только предположеніе о сродствѣ ея съ каменными бабами. По его мнѣнію золотая фигурка этого блюда представляетъ поразительную аналогію (*de surprenantes analogies*) съ древними предметами разсѣянными на земной поверхности, каковы, на примѣръ, алебастровая статуетка, открытая въ развалинахъ древняго Вавилона, и большія и грубыя каменныя статуи, извѣстныя подъ именемъ каменныхъ бабъ, которыя возвышаются на нѣкоторыхъ курганахъ въ Сибири и въ южной Россіи. Всѣ эти фигуры—добавляетъ г. Одобеско—вѣроятно различнаго происхожденія, халдейскаго, монгольскаго и пуническаго, являются предъ нами вполнѣ одѣтыми, вѣкоторыя сидящими, различнаго пола; но всѣ держать въ рукахъ противъ лона чашу для питья ⁴⁾.

Положительно невозможно придумать разъясненіе болѣе сумбурное, какое далъ г. Одобеско.

На рисункѣ 6 представлена эта женщина съ трехъ сторонъ въ ²/₃ натуральной величины (высота ея 0,075 метра). И надо сказать, что въ этомъ изображеніи никоимъ образомъ нельзя видѣть подобіе каменной бабы.

Начнемъ съ одѣянія. На каменныхъ бабахъ никогда не бываетъ длинной туники, а всегда короткій кафтанъ, едва прикрывающій колѣни, съ опушкой на подолѣ. Безрукавый хитонъ, ниспадающій широкими складками на женской фигурѣ петросскаго

¹⁾ Les origines de l'orfèvrerie cloisonnée. Recherches par Charles de Linas. Paris, 1887.

²⁾ Le Trésor de Petrossa. Paris, 1889—1900.

³⁾ А. Одобеско, Le Trésor de Petrossa, Paris, 1889—1900. Т. II, р. 34.

⁴⁾ Ibid., p. 40.

сосуда, принадлежить греческому міру и не можетъ быть отнесенъ къ каменнымъ бабамъ. Подпоясанъ хитонъ на греческій же манеръ. У каменныхъ бабъ не бываетъ голыхъ рукъ, кафтанъ всегда имѣетъ длинные рукава, очень часто украшенные вышивками на предплечьи. Прическа золотой фигурки не встрѣчается у нашихъ каменныхъ бабъ. Начать съ того, что у послѣднихъ головы обыкновенно покрыты какимъ-нибудь уборомъ, болѣе или менѣе отчетливо выраженнымъ, или островерхой шляпой, какия и теперь носятъ на Алтаѣ. Затѣмъ, волосы не закручиваются въ узелъ на затылкѣ, а опускаются косами вдоль шиши (коренной тюрскій обычай). Ноги у петросской статуетки не имѣютъ обуви, тогда какъ у каменныхъ бабъ обувь обязательна и состоитъ она изъ высокихъ сапоговъ, при чемъ голенища бываютъ иногда вышиты узорами по существующему и нынѣ обычаю въ Средней Азійи у тюркскихъ народовъ.

Что же касается до типа лица золотой фигурки и каменныхъ бабъ, то тутъ о какомъ-либо сходствѣ и рѣчи быть не можетъ. У петросской статуетки груди не выставлены наружу, какъ у каменныхъ бабъ, въ чемъ заключается характерный признакъ послѣднихъ, но въ чемъ никоимъ образомъ нельзя видѣть обнаженности фигуры. На востокъ обнаженность не допускается ни въ ваяннн, ни въ живописи; по отношенію же къ каменнымъ бабамъ надо имѣть въ виду, что дѣтски-наивный степенной мастеръ посредствомъ простыхъ изобразительныхъ пріемовъ думалъ только отмѣтить полъ статуи. Сидѣнья у петросской фигурки и у каменныхъ бабъ точно также различны. Почему же, спрашивается, можно говорить о сходствѣ между этими разнородными предметами? Только потому, что петросская статуетка держитъ въ рукахъ передъ собою сосудъ.

Но развѣ петросская статуетка держитъ сосудъ такъ, какъ держать каменныя бабы? Нѣтъ, и здѣсь сходство только кажущееся: первая держитъ сосудъ *передъ собою*, впереди груди, а вторыя—по мѣткому выраженію Рюсбрука—у пупа. Да и сосудъ у петросской статуетки не похожъ на чаши каменныхъ бабъ и не даромъ его называютъ *calathus* ¹⁾.

На сколько знаю, никто еще не отождествилъ съ каменной бабой изображеніе на золотой пластинкѣ изъ Чертомлыцкаго кургана, представляющей сидящую женщину и держащую въ рукахъ

¹⁾ Ch. de Linas, Les origines de l'orfèvrerie cloisonnée. Т. III, р. 298.

на животъ сосудъ¹⁾, а между тѣмъ подобное отождествленіе тѣмъ болѣе представлялось бы заманчивымъ, что на этомъ курганѣ даже стояла каменная баба. Очевидно, что увлечясь даннымъ признакомъ на этотъ разъ оказалось невозможнымъ.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ всего изложеннаго? Основной выводъ будетъ слѣдующій: кто увѣровалъ въ возможность сближенія петросской статуетки съ каменными бабами, тотъ никогда не согласится съ доводами въ пользу тюркскаго происхожденія послѣднихъ и будетъ ссылаться на эту золотую статуетку, которая появилась на свѣтъ раньше, чѣмъ тюркскіе народы стали наводнять Европу. Наше же мнѣніе таково, что ни для внут-

ренняго, ни для наружнаго сходства между данными памятниками нѣтъ никакихъ основаній и потому необходимо, для пользы дѣла, изолировать петросскую статуетку изъ общества „каменныхъ бабъ“.

Рис. 7.

Вавилонская статуетка.

Алебастровая статуетка сидящей женщины, найденная при раскопкахъ Вавилона, находящаяся нынѣ въ Луврѣ и смутив-

шая, какъ мы видѣли, г. *Одобеско*, еще ранѣе того ввела въ заблужденіе г. *Аспелина*. Въ своемъ сочиненіи *Antiquités du Nord Finno-Ougrien* (Helsingfors, 1877) онъ помѣстилъ рисунокъ этой статуетки на стр. 41. Высота ея 0,17 с. м. (рис. 7). Статуетка представляетъ женщину, сидящую въ креслѣ и держащую въ рукахъ какой-то сосудъ. На головѣ ея круглый обручъ въ видѣ нимба, волосы распущены по спинѣ, одѣяніе длинное до ступней ногъ, въ многочисленныхъ складкахъ; ноги опираются на скамеечку²⁾. Всѣ эти подробности не встрѣчаются у каменныхъ бабъ: головной уборъ у послѣднихъ иной чѣмъ у вавилонской статуетки; одѣяніе тоже не соотвѣтствуетъ нашимъ статуямъ; голыхъ ногъ, обо-

¹⁾ Рисунокъ этой бляшки можно видѣть въ Сборникѣ гр. *И. И. Толстого* и *Н. П. Кондакова* „Русскія Древности“, вып. II (Спб. 1889), стр. 44.

²⁾ См. также *Les origines de l'orfèvrerie cloisonnée*. Par *Ch. de Linas*. T. III, p. 308.

значенныхъ у вавилонской статуетки отдѣльными пальцами, у каменныхъ бабъ никогда не бываетъ; сосудъ не походитъ на сосуды каменныхъ бабъ и держится онъ послѣдними иначе, чѣмъ у вавилонской статуетки. Изъ всего этого приходится сдѣлать тотъ выводъ, что сближать вавилонскую статуетку съ каменными бабами значитъ дѣлать большую и вредную ошибку.

Чешская статуя „Елизавета“.

Академикъ *А. И. Соболевскій* въ „Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ (Москва, 1898, т. VI, стр. 291) помѣстилъ небольшую статью подъ заглавіемъ: „Каменная баба въ Чехіи“, на основаніи сочиненія *Časopis Чешскаго музея* (1891 г., стр. 417), со ссылкой на книгу *Болеуцкаго* „*Rosa Voëmica*“ 1668 года¹⁾. Г. Соболевскій прямо называетъ статую *каменной бабой* и обращаетъ вниманіе археологовъ на рассказъ о ней XVII столѣтія.

Такъ какъ каменныхъ бабъ въ Чехіи нѣтъ и, по моему мнѣнію, быть не могло, то приведенное сообщеніе слѣдовало подвергнуть тщательному разслѣдованію. Я обратился за содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ къ моему давнишнему и хорошему знакомому *А. О. Кашпару*, живущему въ Прагѣ, и просилъ его достать мнѣ фотографическій снимокъ этой статуи. Онъ съ полной готовностью поспѣшилъ собрать для меня всѣ данныя объ „Елизаветѣ“, имѣющіяся въ чешской литературѣ; но изготавить фотографическій снимокъ не могъ, такъ какъ статую, не смотря на всѣ старанія, отыскать не удалось: она, повидимому, больше уже не существуетъ. Пришлось удовольствоваться тѣмъ рисункомъ, который далъ Болеуцкій, рядомъ съ другими изображеніями славянскихъ боговъ, на 200-й страницѣ своей книги (см. рисунокъ 8). Приводимъ текстъ Болеуцкаго изъ *Rosa Voëmica*, стр. 203—205.

Strakona civitas annos non ante multos idolum quoddam vidit et mirabatur.

¹⁾ *Rosa Voëmica sive Vita sancti Woytiechi*. *Matthiae Bened. Boletucsky*. Praga, 1668.

Alzbeta.

Рис. 8.

Post arcem S. Procopii fors mille passibus ad meridiem, juxta viam, quae Volynam ducit, ad silvam Hole nominatam, rude quoddam saxum oblongum pluribus annis steterat, justam quidem hominis mensuram quodam modo praeferebat, sed mancum et acephalum ad instar cylindri, truncum potius informem, quam statuam repraesentans. A summo, quo pectus ab humeris descendit, scurrilis et barda cujuscunque bubulci manus, supercilia, oculos, nasum, os et mentum clavo vel quocunque alio ferro rudi Minerva sculpsit, mammas etiam muliebres adjecit, per quas foemineum sexum, ad omnem novitatem et superstitionem facilem; ad novum cultum pelliceret. Utero praegrandi tumet illud saxum, quasi parturiens foetum, ex quo manavit opinio, deam hanc parturientibus adjutricem esse, simplici quoque vulgo lingua patria Alzbietam sive Elisabetham, quam Romani Lucinam aut Levanam dixissent, placuit nominare.

Increbrescente postmodum ejusmodi fama, magnus Alzbietae honor accedebat, ut uterum gerentes et partui proximae mulieres etiam a tribus milliaribus eo confluere non dubitarent, cereos, strophia, fascias et nummos oblationis ergo nocturnis maxime temporibus apportarent, et velut numen aliquod novum e caelo delapsum colerent. Perduravit rusticus hic error inter idiotas ad annum 1659, quamdiu superioribus ignotus fuit. Postquam detectum esset malum et Alzbietam prostituta e tenebris in lucem prodisset, mandato venerabilis archiepiscopalis consistorii Pragensis, nec non illustrissimi et reverendissimi comitis d. d. sacri Melitensium ordinis militaris, magni prioris in Strakonice, per curatum loci antecessorem meum, et burggravium ejusdem domini loci mota et in arcem curru devecta est, hodieque in arcis area prope turrin rotundam ad dextrum latum in angulo humi jacens et huc usque parturiens ab omnibus conspicitur. Ipse ego, tunc illius administrator ecclesiae, turpe monstrum saepius aspexi, tantamque parturientis Alzbietae foecunditatem malorum foetuum, et istius Apellis lineas, obstupui, saepeque risi.

Ab intestato hinc non abeo, R. D. illius temporis curatum et burggravium viventes adhuc, eorum, quae certa comperi, testes relinquo.

„Городъ Стракона немного лѣтъ назадъ видѣлъ нѣкотораго идола, которому удивлялся.

„За замкомъ св. Прокопія, около тысячи шаговъ на югъ, востѣ дороги, ведущей въ Волюнію, у лѣса, называемаго Голем, много лѣтъ стоялъ нѣкоторый грубый продолговатый камень, нѣкоторымъ образомъ соответствующій точнымъ размѣрамъ челоука, но обломанный и безголовый, подобный цилиндру, представляющій скорѣе безформенный обрубокъ, чѣмъ статую. Сверху, откуда грудь нисходитъ отъ плечъ, шаловливая и шутовская рука какого-нибудь пастуха грубо выпарапала гвоздемъ или дру-

гимъ какимъ-либо желѣзомъ брови, глаза, носъ, ротъ и подбородокъ, прибавила также женскія груди, чтобы ими привлечь къ новому культу женскій полъ, склонный ко всякой новизнѣ и суевѣрію. У камня огромный вздутый животъ, какъ у беременной женщины, откуда и составилась мнѣніе, что это богиня, помогающая роженицамъ; на простонародномъ мѣстномъ языкѣ ее принято называть Альзбетой, т. е. Елизаветой, какъ римляне называли бы ее Люциною или Леваной.

„Вслѣдствіе разроставшейся съ теченіемъ времени такого рода молвы, Альзбетѣ сталъ воздаваться большой почетъ, такъ что беременныя женщины, которымъ приближалось время родовъ, не задумывались собираться туда изъ-за трехъ миль и приносили въ даръ восковыя свѣчи, повязки, вѣнки и монеты, особенно въ ночное время, и чтили какъ-бы нѣкое новое божество, упавшее съ неба. Это простонародное суевѣріе продолжалось среди простаковъ до 1659 года, покуда оставалось неизвѣстнымъ старшинамъ. Послѣ же того, какъ зло было обнаружено и выставленная Альзбета появилась изъ мрака на свѣтъ, она, по повелѣнію досточтимой пражской архіепископской консисторіи, а также славнѣйшаго и достопочтеннѣйшаго комита гг. святого Мальтійскаго военнаго ордена, великаго пріора въ Страконицѣ, чрезъ курата, моего предмѣстника, и бургъ-графа того-же помѣстья, была снята съ мѣста и на телѣгѣ увезена въ замокъ и въ настоящее время лежитъ на землѣ на площади замка близъ круглой башни съ правой стороны въ углу и доселѣ всеми зрится беременною. Самъ я, будучи тогда настоятелемъ той церкви, часто видѣлъ безобразнаго уroda и изумлялся такому великому у беременной Альзбеты обилію скверныхъ дѣтей и чертамъ этого Апелеса и часто смѣялся.

„Безъ свидѣтелей отсюда не удалюсь и оставляю почтеннѣйшаго господина, тогдашняго куратора, и бургъ-графа, понинѣ здравствующихъ, свидѣтелями того, что я вѣрно узналъ“.

По поводу этой статуи *Антонинъ Резекъ* въ *Casopis musea král. českého* (1891, стр. 416—417) пишетъ слѣдующее¹⁾:

„Въ 1656 г. духовная консисторія освѣдомилась о легендѣ объ „окаменѣлой женщинѣ“ и постановила точно расслѣдовать это дѣло. Эта окаменѣлая женщина находилась близъ деревни Соуседовицъ, недалеко отъ г. Страконицъ. Изъ дѣлъ, сохранив-

¹⁾ Переводъ на русскій языкъ сдѣланъ А. О. Кашпаровъ.

шихся въ архіепископскомъ архивѣ въ Прагѣ, видно, что жители д. Соуседовиць были приглашены 7 апрѣля 1856 г. въ магистратъ, гдѣ имъ прежде всего было сдѣлано увѣщаніе сообщить о дѣлѣ чистую правду, какъ бы они говорили подъ присягою; а затѣмъ былъ подвергнутъ опросу старшина (guchtar) Иванъ Марешъ, который показалъ, что близъ ихъ деревни находится камень, который считается окаменѣлою женщиною. Объ этомъ существуетъ такое преданіе: когда-то священникъ шелъ пріобщать больного и встрѣтилъ компанію, возвращавшуюся со свадебнаго пиршества. Въ этой компаніи находилась беременная женщина, которая не отнеслась съ должнымъ уваженіемъ къ святымъ дарамъ, за что священникъ предалъ ее проклятію, и она тотчасъ же обратилась въ камень въ видѣ беременной женщины. Вскорѣ затѣмъ началъ собираться къ этой окаменѣлой женщинѣ народъ изъ окрестныхъ городовъ, Сушицы и Прахатиць, и другихъ мѣстъ, отдаленныхъ на много миль. Преимущественно туда приходили беременныя женщины и совершали особые обряды, клали на камень платья, одежду и дѣлали различныя обожанія. Кто такъ поступалъ, говорятъ, навѣрное выздоравливалъ, но кто снималъ платье съ камня, впадалъ въ болѣзнь. Спрошенный о величинѣ каменной женщины, Марешъ отвѣтилъ, что шесть лошадей едва бы могли его свезти. Когда же возникла легенда, или, лучше сказать, когда случилось это чудо, онъ не могъ отвѣтить, потому что никто этого не помнилъ.

„Послѣ Мареша допрошенъ Бартоломей, кузнецъ изъ д. Зборовиць, старикъ 70 лѣтъ, который подтвердилъ сказанное Марешемъ, прибавивъ только, что и повозка, лошади и люди тогда окаменѣли, но что эти камни были разобраны на постройку дома настоятеля монастыря въ Страконицахъ. Дальше онъ разсказалъ, что этотъ камень, изображающій беременную женщину, нѣкогда былъ свороченъ пастухомъ, и когда послѣ того проходилъ тамъ нѣкій житель изъ Либѣтиць, то камень обратился къ нему съ рѣчью человѣческимъ голосомъ: „ступай къ старшинѣ д. Соуседовиць, пусть онъ поставитъ меня на прежнее мѣсто, а если не сдѣлаетъ этого, ему будетъ худо“! Далѣе допрашивали Матвѣя Кукачку изъ д. Соуседовиць, старика 80 лѣтъ, который сообщилъ, что Георгій Пецка изъ д. Соуседовиць въ пьяномъ видѣ тревожилъ камень, за что нѣсколько разъ выкушался въ лужѣ и съ тѣхъ поръ боялся ходить ночью мимо этого мѣста и, когда возвращался домой, дѣлалъ обходъ по лугамъ. Наконецъ, Бартоломей Кржижъ или Цартла изъ д. Соуседовиць, 60 лѣтъ, незна-

шій ничего новаго, утверждалъ, что не только женщина, но и вся компанія, отправившаяся за невѣстой, окаменѣла. Значитъ, чудо совершилось не послѣ свадьбы, а до нея“.

Этотъ документъ показываетъ, что каменная женщина представляла единичный случай, который, будучи необычнымъ, вызвалъ странную легенду среди мѣстнаго населенія. Изъ дѣла видно, что статуя походила на беременную женщину, т. е. отличалась такимъ признакомъ, который у каменныхъ бабъ никогда не встрѣчается. Описаніе Болелуцкаго и рисункъ, имъ приложенный, ясно показываютъ, что чешскую „Елизавету“ безусловно нельзя отнести къ каменнымъ бабамъ, иначе мы только будемъ затемнять вопросъ о нихъ.

Испанскія каменные статуи.

Въ испанской провинціи Мурціа при раскопкѣ одного холма въ Еклѣ, носящаго названіе Cerro de los Santos, были найдены 15 каменныхъ статуй, довольно загадочнаго вида. Эта находка была обнаружена въ Мадридѣ въ 1871 г., а вскорѣ послѣ того гипсовые слѣпки съ нихъ стали появляться на международныхъ выставкахъ: на вѣнской 1873 г. и на парижской 1878. Три гипсовые копии съ наиболѣе выдающихся изъ этихъ статуй попали и къ намъ: онѣ красуются въ московскомъ Румянцовскомъ музее.

Многіе интересовались этими статуями и старались объяснить ихъ происхожденіе; одни признавали ихъ поддѣльными, другіе считали подлинными. Венгерскій археологъ Henszlmann высказалъ предположеніе, что статуи изготовлялись въ V—VII столѣтіяхъ готами, пришедшими въ Испанію изъ предѣловъ южной Россіи, и сблизилъ статуи съ нашими каменными бабами. *Делласъ* отнесся къ этимъ статуямъ нѣсколько скептически и все-таки помѣстилъ ихъ рядомъ съ каменными бабами ¹⁾. *Эмили́й Картальякъ* высказался противъ принадлежности этихъ изваяній готамъ на томъ основаніи, что на пути готовъ въ Испанію не находится подобныхъ памятниковъ и вообще разсуждалъ о нихъ условно: si elles sont authentiques ²⁾.

Послѣ того подобныхъ статуй появилось очень много, а вмѣстѣ

¹⁾ Les origines de l'orfèvrerie. P. 312—316.

²⁾ *Emile Cartailhac*, Ages préhistorique de l'Espagne et du Portugal. Paris, 1886, p. 301—303.

съ тѣмъ возникла по этому предмету обширная литература, изъ которой видно, что изслѣдователи не пришли еще къ соглашенію на счетъ подлинности данныхъ памятниковъ. Разбираться въ этой литературѣ мнѣ вѣтъ надобности, я останолюсь только на послѣднемъ сочиненіи, принадлежащемъ *Пьеру Пари*¹⁾, который довольно долго изучалъ эти памятники²⁾. Г. Пари прежде всего раздѣлилъ статуетки на двѣ группы: поддѣльныя и настоящія. Первыхъ онъ насчиталъ 21 и поддѣльвателемъ ихъ назвалъ часовщика въ Еклѣ *Амата*. Вотъ его замѣчаніе: «Mais j'admets avec une égale certitude que l'industrie d'un faussaire ingénieux, Vincete Juan y Amat, horloger à Iecla, a mêlé à la masse des oeuvres authentiques beaucoup de pièces de sa fabrication, dont quelques-unes, tout au moins, ne sont pas de plus faciles à reconnaître»³⁾. Подлинность прочихъ г. Пари доказываетъ разными соображеніями, между прочимъ, ссылается на присутствіе патины на камнѣ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи испанскихъ статуи, во всякомъ случаѣ подозрительныхъ, потому что онѣ очевидно нуждаются въ защитѣ, замѣчу только, что если бы нѣкоторыя изъ нихъ и оказались подлинными, ихъ рѣшительно нельзя сопоставлять съ южно-русскими каменными бабами. Сходство между тѣми и другими не идетъ дальше сосуда, находящагося у нихъ въ рукахъ; но во всемъ прочемъ онѣ расходятся самымъ основательнымъ образомъ. Въмѣсто короткаго кафтана каменныхъ бабъ у испанскихъ статуетокъ мы видимъ тройную, начиная съ длинной юбки, одежду, постепенно уменьшающуюся въ длину; головные уборы у нихъ совершенно отличны; волосы у испанскихъ въ видѣ локоновъ спускаются на грудь, чего никогда не бываетъ у каменныхъ бабъ; далѣе—размѣры испанскихъ статуетокъ очень незначительны. Стиль этихъ статуетокъ совсѣмъ иной, чѣмъ стиль каменныхъ бабъ, а лица у тѣхъ и у другихъ разнятся самымъ кореннымъ образомъ. Поэтому я утверждаю, что сблизать испанскія статуетки съ каменными бабами значитъ способствовать сумбуру, котораго и безъ того слишкомъ много накопилось въ запутанномъ вопросѣ о каменныхъ бабахъ.

¹⁾ *Pierre Paris, Essai sur l'art et l'industrie de l'Espagne primitive*. T. I, Paris, 1903, p. 162—343.

²⁾ См. его-же: *Buste espagnol de style gréco-asiatique trouvé à Elché* (въ *Monuments et mémoires publiés par l'Académie des inscriptions et belles-lettres*. T. IV, Paris, 1897).

³⁾ *Essai sur l'art et l'industrie de l'Espagne primitive*, p. 164.

Каменные статуи восточной Пруссии.

Ближе всѣхъ, перечисленныхъ мною статуи, могли бы по первому впечатлѣнію подходить къ каменнымъ бабамъ тѣ изваянія, которыя находятся въ восточной Пруссіи и извѣстны тамъ подъ именемъ *Becherstatuen*, т. е. статуи съ кубками. Если бы тожество тѣхъ и другихъ было установлено при помощи научныхъ приемовъ, то это нанесло бы самый рѣшительный ударъ теоріи о тюркскомъ происхожденіи каменныхъ бабъ, такъ какъ въ восточной Пруссіи никакихъ тюрковъ никогда не было. Впервые собралъ и описалъ эти статуи берлинскій археологъ д-ръ *М. Вейгель*, который отнесъ ихъ къ древне-славянскому періоду¹⁾. Такъ какъ я лично не вижу никакихъ основаній сблизать прусскія статуи съ каменными бабами, то я вовсе не сталъ бы касаться этихъ первыхъ, если бы въ литературѣ не было никакихъ попытокъ установить родство между тѣми и другими, а такая попытка существуетъ: она принадлежитъ мюнхенскому археологу *Августу Гартману*, который нисколько не затруднился отнести прусскія статуи въ одну категорію съ каменными бабами²⁾. За Гартманомъ послѣдовалъ и *Люборъ Нидерле*³⁾.

Гг. Вейгель и Гартманъ приложили къ своимъ статьямъ рисунки съ прусскихъ каменныхъ статуи, и эти рисунки даютъ намъ возможность судить о сходствѣ интересующихъ насъ статуи съ каменными бабами. Какъ ни грубы наши каменные бабы, онѣ все-таки по техникѣ неизмѣримо выше прусскихъ статуи; „бабы“ представляютъ вполне отчетливыя фигуры, лицо у нихъ выражаетъ опредѣленный антропологическій типъ; ничего подобнаго мы не видимъ у прусскихъ статуи. Безобразные чурбаны, у которыхъ безформенная голова, то конусообразная, то грушевидная или шаровидная, съ выцарапанными глазами, носомъ и ртомъ,—вотъ что прежде всего бросается въ глаза на-

¹⁾ *Bildwerke aus altslavischer Zeit*, von Dr. M. Weigel (въ *Archiv für Anthropologie*. Braunschweig, 1892—1893. B. XXI, s. 41—72).

²⁾ „*Becherstatuen in Ostpreussen und die Literatur der Becherstatuen*“, von Dr. August Hartmann (въ *Archiv für Anthropologie*, Braunschweig, 1892—1893. B. XXI, s. 253—303).

³⁾ „*Человѣчество въ доисторическія времена*“, перев. съ чешскаго *О. К. Волкова*. Спб. 1898, стр. 581.

блюдателю. Руки, довольно ясно выраженные, сходятся на животъ, причемъ первая держитъ рогъ для питья, часто очень большихъ размѣровъ; случается, что рогъ изображенъ отдѣльно — на груди. Сосуда, характернаго для каменныхъ бабъ, здѣсь мы совсѣмъ не встрѣчаемъ. Ногъ абсолютно нѣтъ. На нѣкоторыхъ изображено оружіе: мечъ, сравнительно короткій, съ большой перекладиной (крыжъ), или кинжалъ, обыкновенно находящійся въ лѣвой рукѣ. Всѣ статуи повидимому мужскія, у нѣкоторыхъ старательно представлены усы и борода, послѣдней никогда не бываетъ у каменныхъ бабъ. Однимъ словомъ, по поводу прусскихъ статуи можно говорить только объ отличіи ихъ отъ каменныхъ бабъ, а никакъ не о сходствѣ ихъ съ послѣдними.

Трудно разбираться въ подобныхъ грубыхъ каменныхъ памятникахъ еще и потому, что они иногда появляются совершенно неожиданно и при возникновеніи своемъ не всегда преслѣдуютъ тѣ цѣли, которыя имъ придаютъ впоследствии изслѣдователи. Приведу такой характерный случай: въ газетѣ „Кіевлянинъ“ 1888 г. появилась замѣтка, что въ селѣ Букахъ Сквирскаго уѣзда, вытасченъ изъ рѣчки Растовицы каменный рогатый истуканъ, высѣченный изъ цѣлой глыбы гранита, высотой въ сажень. При этомъ было высказано предположеніе, что это древне-русскій богъ Волосъ или Велесъ, покровитель скота и родоначальникъ поэтовъ, богъ сильный, которымъ наряду съ Перуномъ громовержцемъ, клялись Святославы войны. По просьбѣ Императорской Археологической Коммиссіи, проф. *В. В. Антоновичъ* произвелъ разслѣдованіе по поводу этой находки и обнаружилъ слѣдующее: идолъ вовсе не былъ извлеченъ изъ рѣчки, а все время по изготовленіи находился на своемъ мѣстѣ; изготовленъ же онъ въ 1834 г. по мысли помѣщика Валентина Абрамовича, который тогда разводилъ садъ въ своемъ имѣніи и желалъ украсить его какими-нибудь оригинальными предметами. Между прочимъ, онъ заказалъ каменщику изъ своихъ крестьянъ вытесать изъ гранита подобіе человѣческой фигуры съ полумѣсяцемъ на головѣ и поставилъ эту статую противъ главной аллеи своего сада за рѣчку. Мастеръ „дѣдъ Тарасъ“ умеръ года за 2 или за 3 до осмотра памятника профессоромъ Антоновичемъ¹⁾.

¹⁾ Дѣло И. Археол. Коммиссіи 1887 г., № 13.

Происхожденіе памятника разъяснилось благодаря тому, что представилась возможность собрать о немъ справки по свѣжимъ слѣдамъ, но если бы на него обратили вниманіе только тогда, когда всѣ воспоминанія объ обстоятельствахъ дѣла утратились, результатъ получился бы совсѣмъ иной и, быть можетъ, случайно пущенная мысль о богѣ Волосѣ получила бы значеніе достовѣрнаго факта.

Каменные кавказскія статуи съ крестами.

На сѣверномъ Кавказѣ встрѣчаются столпообразныя каменныя изваянія человѣческихъ фигуръ съ крестами, выпуклыми или рѣзанными вглубь (рис. 9). Кромѣ приложеннаго здѣсь рисунка статуи съ крестами на плечахъ и на шapkѣ, въ Матеріалахъ по археологій Кавказа (вып. VII) помѣщенъ фотографическій снимокъ съ другой подобной же статуи, у которой лѣвая рука обхватила ножны, а правая держитъ на груди вынутую саблю. Форма оружія заслуживаетъ вниманія. На нѣкоторыхъ находятся греческія надписи, подобныя тѣмъ, какія изображены на каменныхъ крестахъ, извѣстныхъ изъ тѣхъ же мѣстъ. Кресты имѣютъ точную дату и относятся къ XI вѣку¹⁾. Близъ станицы Губской майкопскаго отдѣла Кубанскаго округа былъ обнаруженъ большой каменный крестъ съ греческою надписью и съ фигурой такой техники, какую видимъ на извѣстной пятигорской статуѣ²⁾.

Многочисленные остатки христіанскихъ памятниковъ на сѣверномъ Кавказѣ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что въ XI вѣкѣ

Рис. 9.

¹⁾ Напр., каменный крестъ въ Зеленчукскомъ монастырѣ. См. Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа, составилъ *И. Поляковскій*. Спб. 1881, стр. 7—8.

²⁾ Матеріалы по археологій Кавказа. Вып. VII, М. 1898, стр. 137—138.

Рис. 10.

осетинское происхождение.

христианство там процвѣтало и было широко распространено среди мѣстнаго населенія.

Предполагать, что кресты на статуяхъ высѣчены вполнѣдствіи, нѣтъ основанія, такъ какъ у одной изъ нихъ, находящейся нынѣ въ г. Екатеринодарѣ, грудь специально приспособлена для креста, который и покрываетъ ее всю, и въ данномъ случаѣ онъ никоимъ образомъ не могъ быть болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ сама статуя (рис. 10). Къ сожалѣнію, лицо этой статуи отбито, очевидно умышленно, и надо думать мусульманами.

Можно ли эти кавказскія статуи сближать съ каменными бабами, какъ это дѣлають гр. А. С. Уваровъ, Г. Д. Филимоновъ ¹⁾ и другіе?

Думаю, что нельзя, и вовсе не потому, что на кавказскихъ статуяхъ находится христіанскій символъ крестъ: народъ, ставившій въ язычествѣ каменные бабы на могилахъ, могъ удерживать этотъ обычай и съ принятіемъ христіанства, только придать имъ христіанскій характеръ; а потому именно, что типъ этихъ статуй совсѣмъ иной, чѣмъ у каменныхъ бабъ. Здѣсь видна другая культура. Какой народъ воздвигалъ эти христіанскіе памятники, мы точно еще не знаемъ; но во всякомъ случаѣ не турки. Если же принять во вниманіе разъясненіе пятигорской статуи (находящейся теперь въ Россійскомъ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ), данное В. О. Миллеромъ ²⁾, то придется признать въ нихъ

¹⁾ Вѣстникъ общества древне-русскаго искусства, М. 1876, Изслѣдованіе, стр. 74—74.

²⁾ Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. III, М. 1893, стр. 119—126.

Завѣдомо поддѣльныя каменные бабы.

Перечень мнимыхъ каменныхъ бабъ довольно значителенъ, но онъ въ дѣйствительности окажется еще больше, если мы скажемъ, что и среди подлинныхъ каменныхъ бабъ существуютъ поддѣльныя, изготовленныя не съ цѣлью обмана, а ради удовлетворенія эстетическихъ потребностей, какъ бы это ни казалось страннымъ. Извѣстно, что многія каменные бабы свозились съ кургановъ и размѣщались въ городскихъ садахъ въ видѣ украшенія. Особенно много каменныхъ бабъ было сосредоточено въ садахъ помѣщиковъ. Вотъ вслѣдствіе этой-то моды нѣкоторые помѣщики, сравнительно въ недавнее время, за немѣнѣемъ подлинныхъ каменныхъ бабъ поручали своимъ крѣпостнымъ изготовлять для своихъ садовъ статуи по типу каменныхъ бабъ. Подобными каменными бабами домашняго изготовленія особенно славился Бахмутскій уѣздъ ¹⁾. Это обстоятельство обязываетъ насъ съ большою осторожностью относиться къ каменнымъ бабамъ изъ Екатеринославской губерніи.

Послѣ того, какъ область, принадлежащая каменнымъ бабамъ будетъ расчищена отъ сорныхъ травъ, у насъ явится возможность болѣе правильно судить объ этихъ памятникахъ. И такой методъ прежде всего слѣдуетъ примѣнить къ изслѣдованію вопроса о „каменныхъ бабахъ“.

Н. Веселовскій.

¹⁾ Сообщено мнѣ княземъ П. А. Путятинимъ.

713/79

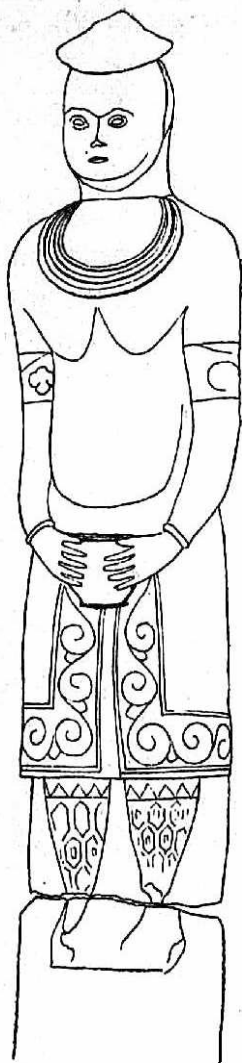

Рис. 11.

Настоящая каменная баба из
Даховской станицы.

Хранится в Тифлисскомъ музеѣ).